

На правах рукописи

Микуленок Александра Андреевна

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПОЛЬШЕ (1917–1939 гг.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Краснодар – 2017

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и международных отношений
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель

Ратушняк Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Официальные оппоненты

Бочарова Зоя Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем, факультет глобальных процессов, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва)

Наземцева Елена Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательского института военной истории военной академии Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (г. Москва)

Ведущая организация

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится « 24 » марта 2017 года в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д 212.101.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: dissovets.fismo@kubsu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Минобрнауки РФ: <http://vak.ed.gov.ru/>. Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2017 года

Ученый секретарь Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций, кандидат исторических наук, доцент

П.П. Матющенко

1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность изучения положения российских эмигрантов в Польше определяется проблемами понимания и восприятия чужой культуры, сохранения национальной идентичности в условиях эмиграции и проводимой правительством политики национального шовинизма как в межвоенный период, так и в настоящее время, возможности компромисса и сосуществования разных социальных групп. Актуальность исследования данной темы еще более возрастает в связи с современными вооруженными конфликтами в Сирии и на Украине. Именно после этих событий массовый поток беженцев хлынул в ближайшие приграничные страны, а впоследствии и в другие государства. Изучение истории российской эмиграции в межвоенный период поможет лучше понять исторические процессы, порождающие эмиграцию, моральное состояние беженцев, первопричины недопониманий и конфликтов, возникавших между беженцами и гражданами или правительствами стран-реципиентов.

Кроме того, современные миграционные потоки являются вызовами и угрозами безопасности как отдельных государств, так и в целом системы международных отношений. При этом довольно часто возникают межэтнические и религиозные конфликты. Для понимания их природы, причин возникновения, способов урегулирования, а также и предотвращения необходимо обращаться к опыту прошлого. Поэтому большой интерес представляет российская эмиграция и процессы ее адаптации в новой среде. Наиболее четко можно провести аналогию с жизнью и деятельностью русскоязычного населения в Польше. Благодаря исторической ретроспективе мы можем наблюдать межэтнические и конфессиональные конфликты между польским и русскоязычным населением, процессы денационализации и способы борьбы с ней, урегулирование таких конфликтов и выявить наиболее эффективные из них.

Объектом исследования является российская эмиграция в Польше.

В качестве **предмета исследования** выступает социально-экономическая, общественно-политическая и культурная жизнь российской эмиграции в Польше.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1917–1939 гг. Начальная хронологическая граница обусловлена тем, что в марте 1917 г. Временное правительство признало право Царства Польского на создание независимого государства, кроме того, в этот же период в России начинаются революционные события, послужившие катализатором массовой эмиграции из России, особенно ярко проявившейся в период Гражданской войны. Конечная хронологическая граница – 1939 г. – определяется началом Второй мировой войны, сменой политического режима в стране и «разделом» Польши между Германией и СССР. В ряде случаев верхняя граница сдвигается в связи с необходимостью прослеживания изменения положения русскоязычного населения в Польше и после деления страны на две части.

Географические рамки исследования. Основные географические контуры исследования ограничиваются территорией Польской Республики в границах с 21 марта 1921 г. по 1 сентября 1939 г.

Приток беженцев из России и процесс репатриации населения, проживавшего на территории Западной Белоруссии и Украины, отошедших Польше по Рижскому мирному договору, обуславливают включение в географические рамки исследования части территории России в изучаемый период времени. Сравнительный анализ положения эмигрантов в Польше с их положением в других государствах определяет расширение географических рамок и включение в исследование ряда европейских государств, в первую очередь прибалтийских (Латвии, Литвы, Эстонии), Финляндии, Румынии, а также государств, в которых политическая жизнь российских эмигрантов была наиболее ярко выражена, а именно: Франции, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Германии.

Степень изученности темы. Первые работы по истории российской эмиграции за рубежом стали появляться уже в 1920-е гг., их авторами были сами эмигранты. Они являются весьма ценными с исторической точки зрения, так как написаны очевидцами и участниками описываемых событий, хотя неизбежно носят субъективный характер. Как правило, эти работы посвящены культурной жизни, проблемам получения образования или вопросам социально-правового характера¹.

В советской историографии изучение российской эмиграции долгое время было закрытой темой. Только в конце 1950-х – начале 1960-х гг. стал наблюдаться некоторый интерес к ней, причины этого кроются в возвращении эмигрантов на Родину в период «оттепели». Рост интереса к теме происходит с середины 1980-х гг., в период политических изменений в стране, которые создали условия для работы с ранее засекреченными архивными материалами. Кроме того, у советских исследователей появилась возможность работать за границей и устанавливать научные контакты как с иностранными исследователями, так и с потомками эмигрантов. Это позволило более подробно, объективно и всесторонне исследовать положение эмигрантов.

Отметим общие работы по истории российской эмиграции, без которых невозможно изучить положение российских эмигрантов. Исследования З.С. Бочаровой, Е.И. Пивовара, И.В. Сабенниковой дают нам общее представление о правовом, социально-экономическом положении и культурной жизни эмигрантов².

В современной историографии выделяют два подхода к изучению российской эмиграции: географический и проблемный. Первый подход

¹ Дехтерев А.П. С детьми эмиграции. 1920–1930-е гг. Шумен, 1931; Руднев В.В. Судьба эмигрантской школы. Прага, 1939; Таубер Л.Я. Лига Наций и юридический статус беженцев. Белград, 1933 и др.

² Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. М., 2011; Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002 и др.

реализован такими учеными, как сербский историк М. Йованович, подробно описавший все аспекты пребывания российских эмигрантов на Балканах¹, болгарская исследовательница Ц. Кёсева, акцентирующая внимание на положении эмигрантов в Болгарии в межвоенный период, особое внимание уделяет политике болгарского правительства в отношении социально-правового положения и процессу адаптации эмигрантов в новой стране². В географическом плане наиболее приоритетными направлениями в изучении истории российских эмигрантов являются такие государства и территории, как Франция³, Чехословакия⁴, Германия⁵, Латинская Америка⁶ и Китай⁷.

Второй подход представлен в работах, посвященных отдельным аспектам пребывания российских эмигрантов в странах-реципиентах: культурной⁸ и церковной жизни⁹, научной¹⁰ и педагогической¹ деятельности.

¹ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.

² Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е. М., 2008.

³ Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция во Франции и сохранение воинских традиций русско-французского союза: история и современность // Российский научный журнал. 2015. № 2 (45). С. 32–42; Муромцева Л.П. Историко-культурная деятельность российской эмиграции во Франции в 1920–1930-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 1. С. 92–107 и др.

⁴ Протасова Е.Ю. Русская эмиграция в Чехословакии 1920–1930-х гг. В оценках современной российской историографии: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012 и др.

⁵ Бочарова З.С. Крайне неприятные ограничения, установленные в Германии для «нансеновских паспортов». Письмо С.Д. Боткина В.А. Маклакову. 1934 г. // Исторический архив. 2005. № 5. С. 53–64; Williams R. Culture in Exile. Russian Emigrants in Germany 1881–1941. London, 1972 и др.

⁶ Мосейкина М.Н. Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук, 2012 и др.

⁷ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008; Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014; Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб., 2016 и др.

⁸ Касьянов В.В. Душа культуры русского зарубежья // Общество: философия, история, культура. 2012. № 1. С. 57–63; Худобородов А.Л. Творчество А.С. Пушкина в культурной и религиозной жизни Русского Зарубежья (1920–1930-х гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 8. С. 168–174; Slobin G. Russians Abroad: Literary and Cultural Politics of Diaspora (1919–1939). Boston. 2013 и др.

⁹ Попов А.В. Русская православная церковь за границей: образование и раскол (1920–1934 гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 162–186; Ратушняк О.В. Казачье зарубежье и церковь // Культурная жизнь Юга России. 2014. Т. 55. № 4. С. 67–69; Он же. Церковь в жизни казаков-эмигрантов // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2012. № 3–4. С. 52–56; Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009; Энеева Н.Т. Судьбы Русской православной церкви в годы Гражданской войны (1918–1920-е гг.) и истоки юрисдикционного раскола // Русский исход. СПб., 2004. С. 293–316 и др.

¹⁰ Волошина В.Ю. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг.: дис. д-ра ист. наук. Омск, 2012; Она же. Статус и роль народных университетов в русском зарубежье в 1920-е годы // Омский научный вестник. 2009. № 6. С. 16–19 и др.

Большое внимание исследователи русского зарубежья отводили анализу политических взглядов российских эмигрантов. О.К. Антропов уделил особое внимание политическим процессам, происходившим в эмигрантской среде в межвоенный период, в частности идеологическим доктринам различных политических партий и движений. Кроме того, автор анализирует причины, сделавшие невозможным политическое объединение эмиграции². К.Г. Малыхин отдавал приоритет изучению деятельности П.Н. Милюкова в эмиграции и его взглядам на те или иные события в России³.

Отдельно отметим работы, посвященные анализу военным организациям русского зарубежья⁴ и казакам-эмигрантам⁵.

Большое значение для анализа положения и деятельности российских эмигрантов в Польше имеют исследования советско-польских отношений⁶, а также работы по истории Польши⁷.

Анализируя положение и деятельность российской эмиграции в Польше, исследователи уделяли внимание лишь отдельным аспектам жизни русскоязычного населения в этом государстве: военной и казачьей эмиграции⁸, формированию русской диаспоры⁹, культурной¹⁰ и церковной жизни¹¹.

¹ Петрушева Л.И. Русская эмигрантская школа в Европе // Славяноведение. 2009. № 1. С. 25–39; Сабенникова И.В. Русская школа за рубежом // Преподавание истории в школе. 2005. № 2. С. 20–24; Седова Е.Е. Педагогическая теория и образовательная практика российского зарубежья // Педагогика. 2008. № 1. С. 83–91 и др.

² Антропов О.К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008.

³ Малыхин К.Г. П.Н. Милюков в 20-е годы: теория революции и оценка последствий русской революции 1917 года // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2012. № 5. С. 45–50 и др.

⁴ Голдин В.И. Гражданская война в России и военная эмиграция 20–30-х годов XX века Архангельск, 2011; Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг. (организации, идеология, экстремизм): дис. д-ра ист. наук. М., 2000 и др.

⁵ Ратушняк О.В. Изучение казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 119–127.

⁶ Иванов Ю.В. Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. М., 2014; Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах, М., 2016 и др.

⁷ Матвеев Г.Ф. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3. С. 42–51; Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье, 1918–1921 гг. (Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание). М., 1995 и др.

⁸ Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7. Краснодар, 2013. С. 211–218 и др.

⁹ Симонова Т.М. Российская диаспора в Польше в 1920–1924 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 170–180 и др.

¹⁰ Обухова-Зелинская И.В. Русская эмиграция в культурной жизни межвоенной Польши // Нансеновские чтения. СПб., 2008. С. 374–383 и др.

¹¹ Кострюков А.А. Русская зарубежная церковь и автокефалия польской церкви // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. 2010. Вып. 4. С. 17–27 и др.

Особый интерес представляет работа З.С. Бочаровой, которая первой затронула проблему правового положения российских эмигрантов в Польше и отношения польского правительства к ним, а также деятельность эмигрантских организаций в сфере правового и социального урегулирования положения беженцев¹.

Т.М. Симонова занималась проблемами русской диаспоры в Польше в межвоенный период, уделяя особое внимание национальному составу, правовому положению и проблемам сохранения национальной идентичности и делает вывод, что «борьба с денационализацией неразрывно связана с проблемой отстаивания национальной идентичности русским национальным меньшинством» кроме того, автор подчеркивает единство русскоязычного населения и эмигрантов как в Польше, так и во всех лимитрофных государствах, и идентифицирует его как «русское меньшинство» или «православное меньшинство»².

Украинский ученый А.И. Елкин, занимавшийся самыми различными вопросами жизни эмигрантов в Польше, основывался, в первую очередь, на данных эмигрантской периодики³. А.В. Жуков подробно рассмотрел положение военных эмигрантских формирований на территории Польши и их антибольшевистской деятельности⁴. В.В. Костерин проследил переход беженских организаций в Польше от политической деятельности к благотворительной⁵.

Вопросами православной церкви в Польше занимался А. Берташ, определив особенности положения православного населения и приходит к выводу, что политика принудительного окатоличивания населения имела основную цель «доказать тем самым превосходство над Россией и свою победу над ней»⁶.

¹ Бочарова З.С. «Польское правительство не безразлично к судьбе русских эмигрантов»: к истории российской эмиграции в Польше в 1920-е гг. // Духовность: научный журнал (Сергиев Посад). 2010. № 1. С. 124–155.

² Симонова Т.М. Русская эмиграция в Польше в 20–30-е гг. некоторые аспекты сохранения национальной идентичности // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: вторая половина XIX – первая половина XX в. М., 2009. С. 207–246 и др.

³ Елкин А.И. Русская эмигрантская интеллигенция в Польше в 20–30-е годы XX века // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Сер.: Історія. 2008. № 816. С. 291–300. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5072> (дата обращения: 10.06.2016) и др.

⁴ Жуков А.В. Российская военная эмиграция в Польше и её военные последствия (1917–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2014 и др.

⁵ Костерин С.В. Из истории варшавской группы конституционно-демократической партии: переход от политической деятельности к благотворительности (начало 1920-х гг.) // Вестник РГГУ. 2014. № 19. С. 88–96.

⁶ Берташ А. Православная Церковь в Польше и русская эмиграция до Второй мировой войны. Общий обзор и судьбы русских храмов. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4861337.html> (дата обращения: 15.10.2016) и др.

Изучением культурных аспектов жизни российских эмигрантов в Польше занимались О.В. Розинская, С.В. Ткачев и В.Г. Швайко. В.Г. Швайко делает вывод, что «несмотря на свой небольшой численный состав и разбросанность по стране, русское население смогло сохранить свою национальную культуру». Кроме того, автор отмечает, что русскоязычное население Польши в межвоенный период «было представлено двумя различными по правовому положению группами: национальным меньшинством и эмиграцией»¹. С.В. Ткачев в исследовании, посвященном культурным аспектам жизни русских в Польше, а рассматривает национальное меньшинство и российских эмигрантов в едином контексте, особое внимание уделяя культурной деятельности: организации благотворительных мероприятий для сбора средств и влияние русскоязычной периодической печати на жизнь эмигрантов². О.В. Розинская рассматривала роль русской литературной эмиграции в межвоенный период, делая акцент на ее роли в жизни как самих российских эмигрантов, так и в истории польско-русских культурных связей. Автор делает вывод, что вопреки антирусской политике правительства польская интеллигенция проявляла интерес к деятельности литературной эмиграции и достаточно активно взаимодействовала с ней³.

Отдельно следует выделить польских исследователей Я. Замойского и В. Станиславского. В. Станиславский отмечает, что «не существовало четкого разделения между коренным русскоязычным населением и эмигрантами» и делает вывод, что главная причина взаимной неприязни между польским правительством и русскоязычным населением заключалась в «разном понимании государственных интересов Польши и России» и именно в отношении вхождения Западной Украины и Белоруссии в состав Польши⁴. Я. Замойский затрагивает самые разные аспекты жизни русскоязычного населения: правовой, социальный и культурный, при этом разделяя представителей национального меньшинства и эмиграции на две разные группы и отмечая, что каждая из них была самостоятельной и довольно часто между ними возникали конфликты. При этом автор подчеркивает, что «исследование носит скорее обзорный характер из-за ограниченной источниковой базы»⁵.

Таким образом, исследователи обращали внимание на отдельные аспекты положения российских эмигрантов в Польше, но комплексного анализа проблемы не проводили.

¹ Швайко В.Г. Деятельность русских организаций в Польше по сохранению русской культуры в 1921–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 2005. 24 с. URL: <http://www.elib.grsu.by/katalog/89534-132898.pdf> (дата обращения: 15.10.2016).

² Ткачев С.В. Культурная жизнь русских в Польше (1921–1939): общество, школа, пресса // Российская эмиграция в славянских странах. СПб., 2010. С. 21–31.

³ Розинская О.В. Русская литературная эмиграция в Польше: 1920–30-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2000.

⁴ Станиславский В. Жизнь на обочине // Новая Польша. 2006. № 7–8. С. 91–96 и др.

⁵ Замойский Я. Русская (белая) эмиграция в Польше и ее польские связи (1918–1939) // Культурные связи России и Польши XI–XIX вв. М., 1998. С. 170–189 и др.

Цель и задачи исследования. Цель данного исследования – всестороннее изучение истории российской эмиграции в Польше в 1917–1939 гг. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

- 1) Исследовать причины и пути исхода в Польшу российских эмигрантов;
- 2) Проанализировать процесс адаптации российских эмигрантов в условиях эмиграции и реконструировать его;
- 3) Рассмотреть процесс ассимиляции и способы сохранения национальной идентичности русскоязычного населения;
- 4) Сравнить положение коренного русскоязычного населения и российской эмиграции в Польше и реконструировать политику польского правительства к эмигрантам из России;
- 5) Критически оценить социально-экономическое и правовое положение российских эмигрантов и русскоязычного населения в Польше;
- 6) Изучить общественно-политическую деятельность российских эмигрантов;
- 7) Определить проблемы образования и культурной жизни российских эмигрантов;
- 8) Исследовать положение РПЦ в Польше и ее роль в жизни российских эмигрантов.

Методологической основой диссертационного исследования служат принципы историзма, научной объективности и системности.

В качестве конкретных познавательных средств, необходимых для реализации общеисторических методов, в работе применяются методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, описательный и др. Сравнительно-сопоставительный метод позволил сопоставить политические события в Польше и их влияние на жизнь русскоязычного населения.

Принцип историзма дал возможность рассмотреть проблему положения российской эмиграции в Польше в развитии, в общеисторическом контексте, а также выявить взаимосвязи и взаимозависимость различных явлений, роль международных и национальных факторов, особенностей взаимоотношений внутри самой эмиграции и ее контактов с польским правительством в вопросе урегулирования социально-экономического и социально-правового положения.

Использование историко-сравнительного метода продиктовано тем, что после распада Российской империи образовались четыре независимых государства (Эстония, Латвия, Литва и Финляндия), Бессарабия вошла в состав Румынии, а Царство Польское – во вновь образованную Польскую Республику. В этих государствах проводилась схожая политика по отношению и к беженцам, и к коренному русскоязычному населению, что позволило выявить общее и особенное в социально-экономическом, социально-правовом и культурном положении русскоязычного населения в этих странах.

Историко-типологический метод применялся для выявления схожих процессов при формировании эмиграции в лимитрофных государствах,

моделей социальной и правовой адаптации беженцев и коренного русскоязычного населения.

Системный анализ позволил изучить тему в качестве целостного явления во взаимосвязи и совокупности фактов и взаимодействии с внешней средой.

Хронологический метод помог изучить последовательность событий во времени. Синхронный метод, ориентированный на изучение различных событий, происходивших в один временной отрезок, дал возможность установить связь между явлениями и фактами, что обеспечило более объективное и полное изучение всех аспектов жизни эмигрантов.

Кроме традиционных подходов использовался и антропологический, в частности, для рассмотрения влияния условий эмиграции на обычного человека.

Историко-культурный метод способствовал исследованию адаптации русскоязычной диаспоры в чужой стране, а, следовательно, и культуре.

Важной составляющей частью методологической основы является понятийно-терминологический ряд. Некоторые понятия, применяемые сегодня, в исследуемый период имели несколько иное значение, кроме того, изучение истории российской эмиграции как в Польше, так и во всех лимитрофных государствах имеет свои особенности. Речь идет о наличии специфической терминологии, применяемой только к этим территориям, и о невозможности использования общепринятой терминологии в своем прямом значении.

Одним из ключевых моментов в источниках является не разделение терминов «беженец», «эмигрант» и «коренное русскоязычное». Причины этого заключаются в том, что в изучаемый период еще не сложились четкие разграничения между первыми двумя терминами, к тому же на территории Польши проживали не только русские, но и украинцы и белорусы, которых польское правительство не выделяло в отдельный этнос. Кроме того, нельзя противопоставлять коренное русскоязычное население, проживавшее как в Польше, так в лимитрофных государствах, эмигрантам, поскольку они находились в таком же правовом и социальном положении, как и эмигранты.

Термин «денационализация» используется в значении утраты национальных особенностей в силу внешних причин, однако он противопоставляется термину «ассимиляция», который означает осознанный отказ от национальных особенностей для скорейшего приобретения новых.

В классическом понимании лимитрофные государства – это Латвия, Литва, Финляндия и Эстония. Польша частично относится к этим странам, как и Румыния, в силу того, что к ним отошли территории с этническим русскоязычным населением, которое в одночасье превратилось в граждан другой страны с другой культурой, языком и традициями, т. е. оказалось, по сути, теми же эмигрантами.

Еще одна особенность – специальные документы для проживания в Польше, так называемая карта побыта, дающая право на временное проживание в стране, которую выдавали как беженцам, так и представителям коренного

русскоязычного населения, и карта азилия, выдававшаяся эмигрантам, которым грозило теремное заключение в России по политическим причинам.

Автор работы исходил из представления о том, что ни один из подходов не является универсальным, для решения поставленных исследовательских задач необходим не только комплексный подход, но и сочетание общенаучных и специальных методов исследования.

Источниковая база исследования в значительной степени основана на архивных материалах, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. При проведении исследования использованы следующие **группы источников**:

- международные договоры и соглашения;
- законодательные акты польского государства, временного правительства и Советской России;
- делопроизводственная документация;
- статистические источники;
- источники личного происхождения;
- периодическая печать.

Основную категорию источников составляют материалы архивов, хранящихся в Российской Федерации, с помощью которых можно реконструировать жизнь и деятельность эмигрантской колонии в Польше. В ГАРФ хранится большой комплекс документов из Русского зарубежного исторического архива (РЗИА), вывезенного из Праги в СССР в 1945 г.

Материалы об антисоветской деятельности эмигрантов представлены в фондах Ф. 5831 (Савинков Борис Викторович, один из лидеров партии социалистов-революционеров, руководитель боевой организации партии, писатель (литературный псевдоним – В. Ропшин)) и Ф. 5872 (Народный союз защиты Родины и свободы). Главным образом они содержат материалы о деятельности Б.В. Савинкова и организаций, находившихся под его контролем.

В фонде представителя Земско-городского комитета помощи русским беженцам при Лиге Наций, члена Ученого совета русского заграничного исторического архива в Праге Н.И. Астрова (Ф. 5913), включающий в себя личную и деловую корреспонденцию, в которой мы находим сведения о положении русскоязычного населения в Польше, о позиции польского правительства и необходимости урегулирования катастрофического положения эмигрантов.

Информацию о культурной жизни русскоязычного населения в Польше содержат фонды Ф. 5785 (Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей), Ф. 5814 (Русский попечительный комитет об эмигрантах в Польше), Ф. 5816 (Особый комитет по делам русских эмигрантов в Латвии), Ф. 5837 (Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО)), Ф. 5846 (Союз русских студентов-эмигрантов в Польше (СРСЭ)), Ф. 5850 (Комитет «День русской культуры» в Чехословакии), Ф. 5864 (Комитет помощи детям при русском попечительном об эмигрантах комитете (РПК) в Польше). Они включают в себя входящую и исходящую корреспонденцию

благотворительных организаций, отчеты о проведении различных благотворительных мероприятий и праздников.

Отношение эмигрантов к событиям, происходившим в России, содержат фонды Ф. 7003 (Уполномоченный (представитель) российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам в Польше) и Ф. 7004 (Временный варшавский комитет по борьбе с голодом в России). В них отражена переписка между эмигрантскими организациями и частными лицами об оказании помощи русскому населению в России. Кроме того, все перечисленные фонды содержат информацию о социально-экономическом и социально-правовом положении эмигрантов не только в Польше, но и в других европейских государствах.

Материалы по антисоветской деятельности эмигрантов представлены и в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), в этом плане интерес представляет фонд Ф. 04 (Секретариат наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина), который включает в себя не только материалы дипломатической переписки между советским и польским дипломатическими представительствами, но и донесения ОГПУ как об обстановке в самой стране, так и непосредственно об антисоветской деятельности Б.В. Савинкова, С.Н. Булак-Балаховича и Б.С. Пермыкина. В фонде Ф. 122 (Референтура по Польше) отражена деятельность советского посольства в основном в вопросах восстановления документов эмигрантов, оказания помощи советским гражданам в Польше и т.д.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) в большинстве своем хранятся данные о советско-польской войне, разведывательной деятельности польских спецслужб (Ф. 308 к, Ф. 356 к), обстановке в приграничных районах, однако есть и материалы об антисоветской деятельности Б.В. Савинкова в Польше и освещении судебного процесса над ним в России польской прессой¹.

Информацию о социально-политической и экономической обстановке в межвоенной Польше отражают фонды РГАСПИ, в этом плане особый интерес представляет Ф. 159 (Г.В. Чичерин), где собраны материалы о внешнем и внутривнутриполитическом положении в стране, об отношении России в период советско-польской войны к военным формированиям на территории Польши.

Кроме того, информацию о социально-экономическом положении и адаптации эмигрантов к жизни в Польше можно найти в Личном архиве Е.С. Коваленко, где представлены материалы о жизни известного кубанского бандуриста А.П. Черного, проживавшего и в Польше в межвоенный период.

Данные о социально-экономическом положении и культурной жизни эмигрантов в разных государствах, в том числе и в лимитрофных, хранятся также в Архиве Югославии (фонд 74). Так, фонд 376 помогает увидеть ситуацию в Польше глазами представителей другого государства, в частности Королевства Югославии, в котором российские эмигранты нашли более радушный прием, чем в Польше.

¹ РГВА. Ф. 308 к. Оп. 3. Д. 136. Л.1–4.

В местных архивах Краснодарского края информация о российской эмиграции не только в Польше, но и в других странах практически отсутствует, за исключением данных, относящихся к периоду Гражданской и советско-польской войн. Например, в ЦДНИКК (Ф. 1774-р) хранятся сведения о численности казаков, взятых в плен отрядами Красной армии и впоследствии переправленных на советско-польский фронт, откуда они целыми частями уходили в Польшу.

Немаловажным источником стала эмигрантская периодическая печать (газеты «В ограде церковной», «Варшавские отклики», «Варшавское слово», «Варшавское эхо», «За Свободу», «Меч», «Молва», «Русская жизнь», «Эхо»). Изучение местной прессы дает информацию о бытовых, социально-экономических и социально-политических аспектах жизни русскоязычного населения в Польше. Особенность работы с периодикой при изучении жизни российских эмигрантов заключается в необходимости учитывать историко-географические факторы. Например, г. Вильно входил в состав Польской Республики, однако в каталоге газеты изучаемого периода относятся территориально к Литве, хотя периодика отражает эмигрантскую жизнь в Польше. Наиболее полные коллекции эмигрантских газет и журналов, издававшихся в Польше, находятся в ГАРФе и РГБ.

Особо ценными для настоящего исследования представляются воспоминания Б.В. Савинкова «Воспоминания террориста»¹, повествующие нам о социально-политической жизни эмигрантов в Польше вплоть до 1924 г., и переписка А.В. Амфитеатрова «Амфитеатров и русские в Польше (1922–1932)». Ценность частной переписки заключается в том, что А.В. Амфитеатров затрагивает все аспекты жизни эмигрантов – от социально-экономического и правового положения до политических взглядов русскоязычного населения².

Представляют интерес и сводки разведуправления РККА – «Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России». В них отражены данные об изменении отношения польского правительства к антисоветским формированиям в 1921–1922 гг.³, приводится характеристика деятельности не только Б.В. Савинкова, но и антисоветской в целом⁴.

Значимыми в плане источников являются материалы ОГПУ, представленные в многотомном издании «Русская военная эмиграция 20–

¹ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 2013.

² Амфитеатров и русские в Польше (1922–1932) // Минувшее. Исторический альманах. М., СПб., 1997. Т. 22. С. 388–469.

³ Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность по данным к 1 октября 1921 г. Периодический обзор разведуправления РККА. Материалы стратегической разведки. М., 1921. С. 11–14.

⁴ Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность по данным с 1 октября 1921 г. по 1 января 1922 г. Периодический обзор разведуправления РККА. Материалы стратегической разведки. М., 1922. С. 4–5, 13–14.

40-х гг. XX века». Это богатый материал не только для анализа антибольшевистской деятельности российской эмиграции в Европе в межвоенный период, в том числе и в Польше, но и социально-экономического положения эмигрантов в Польше, и деятельности Российско-украинской делегации смешанной комиссии по репатриации (РУД)¹.

Международные договоры и соглашения изучаемого периода дают представление о положении беженцев за рубежом и отражают позицию государств в этом вопросе. Например, советское правительство одним из первых выработало положения для определения статуса беженцев и призывало к оказанию им всесторонней помощи, при этом наличие российских эмигрантов в межвоенный период советской стороной категорически отрицалось. Кроме того, международные договоры и соглашения показывают правовое положение эмигрантов юридически, которое фактически не соответствовало реальным событиям.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Работа представляет собой первое комплексное исследование положения российских эмигрантов в Польше в межвоенный период.
2. Сделан вывод о том, что вопреки шовинистской политике польского правительства, процесс денационализации в Польше не был столь явно, как например, в других славянских или европейских странах.
3. В ходе проведенного анализа документов, диссертант приходит к выводу, что, несмотря на наличие общей границы с Россией, антисоветская деятельность в Польше не имела таких масштабов как, например, во Франции или любом другом европейском государстве.
4. Дана периодизация антисоветской деятельности российских эмигрантов в Польше, в рамках которой выделены 2 этапа: 1917–1924 гг. – активная фаза антисоветской деятельности под руководством Б.В. Савинкова; 1924–1939 гг. – переход к подпольной деятельности и актам индивидуального террора против представителей советского дипломатического корпуса в Польше. Причины столь резкого перехода от активной деятельности к подпольной заключаются в аресте главного идеолога антисоветской борьбы в Польше – Б.В. Савинкова.
5. Отмечен тот факт, что коренное русскоязычное население и непосредственно сами эмигранты не были изолированы друг от друга, а находились в тесном взаимодействии в культурном, социально-политическом и правовом плане.
6. Особо отмечено, что русскоязычные школы в Польше, как и в лимитрофных государствах, не были эмигрантскими школами в классическом понимании, а имели многовековую историю своего существования.
7. Акцентируется внимание на то, что положение русскоязычного населения напрямую зависело от позиции польского правительства в вопросах

¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: документы и материалы: в 6 т. М., 1998–2013.

взаимоотношений с Советской Россией.

8. В ходе проведенного анализа документов автор приходит к выводу, что нансеновские паспорта в Польше имели несколько иной статус, чем в других государствах. В Польше вплоть до середины 1920-х гг. они не давали право на законное пребывание в стране, кроме того нансеновские марки в стране не были введены, а сам паспорт выдавался с условием «без права обратного въезда в Польшу», о чем у получателя паспорта бралась расписка.

9. Сделан вывод о том, что в лимитрофных государствах помимо эмигрантов в Польше, как и в лимитрофных государствах и Румынии, проживало еще и коренное русскоязычное население, которое не являлось ни полноправными гражданами, ни эмигрантами в классическом понимании этих терминов, хотя по своему правовому положению находилось наравне с эмигрантами.

10. Введены в научный оборот новые архивные материалы, позволившие объективно проанализировать положение эмигрантов в Польше, в том числе: ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 3. Д. 42, Ф. 5837. Оп. 1. Д. 91, 159, 206, 257; Ф. 5850. Оп. 1. Д. 30, 39; Ф. 5864. Оп. 1. Д. 5; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Папка 211. Д. 121, 123, 127; Ф. 122. Оп. 9. Папка 41. Д. 8.

Положения, выносимые на защиту

1. Особенность изучения истории российской эмиграции в Польше заключается в том, что и коренное русскоязычное население, проживавшее на территории Западной Украины и Белоруссии, по своему правовому положению находилось в тех же условиях, что и эмигранты. Причины этого заключались в том, что юридически они являлись гражданами Польши, однако фактически не ощущали себя таковыми из-за языкового барьера и предвзятого отношения польского правительства, поэтому для решения всех правовых аспектов они обращались именно в беженские организации, в связи с тем, что большая часть из них не знала польского языка.

2. Во многих аспектах положение эмигрантов и русскоязычного населения в Польше было схоже с положением русскоязычного населения в лимитрофных государствах и Румынии, это выразилось и в социально-правовом положении, и в политике местного правительства, и в отношении самих эмигрантов к своему положению, вопросах, связанных с получением образования, способах борьбы с денационализацией населения, а также в позиции местного правительства по отношению к судьбе русскоязычного населения.

3. Положение российских эмигрантов в Польше напрямую зависело от отношений польского правительства с СССР, Францией и Великобританией. Выразилось это, в первую очередь, в изменении отношения польского правительства к антисоветским формированиям на территории страны. Если первоначально польское правительство, как и французская военная миссия, активно поддерживали и финансировали их, то постепенно ситуация изменилась. Кроме того, идея формирования крупной антисоветской организации под руководством Б.В. Савинкова непосредственно в Польше

принадлежит лично У. Черчиллю. После подписания Рижского мирного договора в 1921 г. Польше пришлось прекратить открытую поддержку любых антисоветских формирований.

4. Процесс денационализации российских эмигрантов в Польше был менее выражен, чем в других европейских государствах. Причины этого заключаются в близости культуры двух стран, в отличие, например, от Франции или Германии, где язык и культура были совершенно чужды эмигрантам. Кроме того, само русскоязычное население понимало всю тяжесть своего положения и пыталось сохранить национальную идентичность, организовывая различные мероприятия, посвященные русской культуре, или внешкольные занятия по русскому языку и литературе. Однако, несмотря на все принимаемые меры по борьбе с денационализацией, остановить ее распространение среди подрастающего поколения не удалось.

5. Социально-экономическое положение эмигрантов и русскоязычного населения было схоже. Именно они первыми ощутили на себе экономический кризис в стране 1920-х гг. Выразилось это в том, что, в первую очередь, под сокращение попадали русскоязычные сотрудники, кроме того, при устройстве на работу приоритет отдавался кандидатам с польским происхождением.

6. Русскоязычные школы в Польше находились на особом положении. Правительство проводило политику, направленную на постепенную ликвидацию русскоязычных школ. Для этого все школы были переведены в разряд частных без права выдачи аттестата зрелости, что, в свою очередь, сводило на нет возможность получения высшего образования. Ежегодно каждая школа должна была получать концессии на свою деятельность. При приеме на работу преподавателя без польского гражданства директор школы должен был аргументировать, почему его нельзя заменить польским педагогом. Все это приводило к сокращению числа учащихся, а впоследствии и закрытию русскоязычных школ.

7. Гонения на православную церковь начались сразу же после провозглашения независимости Польши. В первую очередь, выразилось это в сокращении числа православных храмов и приходов, реиндексации православного имущества в пользу католической церкви, запрете православным священнослужителям совершать церковные службы без специального на то правительственного разрешения, особенно на восточных креслах. Кроме того, православным священнослужителям было запрещено свободно передвигаться по территории страны. Из-за политики польского правительства довольно часто приход оставался без священнослужителя, а следовательно, прихожане не могли совершить ни один церковный обряд, поэтому они обращались к католическим священнослужителям, что в итоге приводило к смене вероисповедания.

8. Антисоветская деятельность российских эмигрантов в межвоенный период в Польше продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны, вопреки Рижскому мирному договору, согласно которому польское

правительство должно было пресекать любые антисоветские действия на своей территории и ликвидировать уже существующие политические организации с антисоветским уклоном. Однако фактически польское правительство пусть открыто и не поддерживало их деятельность, но и не препятствовало.

Соответствие диссертационного исследования Паспорту специальностей ВАК. Квалификационная работа выполнена в рамках специальности 07.00.02 Отечественная история, так как рассматривается непосредственно история российской эмиграции в Польше. Область исследования: п. 6 – История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития; п. 7 – История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; п. 16 – История российских революций; п. 18 – Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении социально-экономического и правового положения российских эмигрантов и коренного русскоязычного населения в Польше, выявлении его особенности. Полученные результаты могут быть использованы при анализе положения российских эмигрантов и коренного русскоязычного населения в лимитрофных государствах.

Практическая значимость заключается в возможности использовать собранный материал при разработке учебных пособий, спецкурсов и лекций, посвященных проблемам отечественной истории, истории Польши в межвоенный период, истории российской эмиграции, и в научно-просветительской работе. Кроме того, проведенный в работе анализ адаптационных процессов, взаимоотношений различных этнических, лингвистических, конфессиональных групп может помочь при решении миграционных проблем в настоящее время.

Материалы работы могут быть использованы в рамках исследования данной проблематики, а отдельные сюжеты стать основой для дальнейшей научной разработки проблемы. Выводы диссертации будут полезны при изучении миграционных проблем и проблемы сохранения национальной идентичности иммигрантами.

Апробация диссертации. Основные положения работы и результаты теоретической деятельности были изложены на VI Международной научной конференции «Нансеновские чтения, 2014» (г. Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2014 г.), Кирилло-Мефодиевских чтениях в СамГТУ на XII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (г. Самара, 18 мая 2016 г.), на Международной конференции «Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. К 320-й годовщине служения Отечеству казачества Кубани» (Адлер, 27–31 мая 2016 г.).

Всего по теме исследования опубликовано 14 статей, восемь из них – в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ.

Структуру диссертации определяют логика и поставленные задачи исследования. В работе выделены введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы.

2 ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы; определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, степень изученности темы, цели и задачи; раскрыта теоретико-методологическая основа работы; дана характеристика источников; раскрыты положения, выносимые на защиту; определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость; охарактеризована степень апробации результатов исследования.

В **Первой главе «Правовое и социально-экономическое положение российской эмиграции в Польше в 1917–1939 гг.»** рассматриваются пути исхода эмигрантов из России, причины, побуждавшие к эмиграции, правовое и социальное положение в стране-реципиенте.

В первом параграфе – «Причины и пути исхода россиян в Польшу» анализируются причины исхода из России (Гражданская война, террор, голод, полная экономическая разруха, распространение эпидемий и т.д.). Причины, побуждавшие эмигрировать непосредственно в Польшу, а не в какую-либо другую страну, заключаются в том, что протяженная советско-польская граница охранялась недостаточно хорошо как со стороны польской, так и со стороны советской погранслужб. Кроме того, часть эмигрантов видела в Польше, как и в лимитрофных государствах, оплот Российской империи и чувствовала себя там не столь дискомфортно, как в других странах с совершенно чуждыми языком и культурой; другие использовали Польшу в качестве транзитной зоны, так как отсюда было проще добраться в другие европейские государства, например во Францию или Германию. Помимо всего прочего, существовала и такая категория беженцев, как беженцы на месте, к ним относилось коренное русскоязычное население, проживавшее на восточных кресах, территориях, отошедших к Польше по Рижскому мирному договору 1921 г., которое априори имело право на польское гражданство. Однако фактически их положение ничем не отличалось от эмигрантов: часто им отказывали в оптации польского гражданства без объяснения причин, польские государственные учреждения либо отказывались взаимодействовать с русскоязычным населением, либо устанавливали условия, при которых было невозможно решить ни один вопрос социального характера, например предоставление всех необходимых документов на польском языке, что было весьма проблематично для этой категории граждан. Кроме того, многим из них отказывалось в предоставлении материальной помощи от государства в силу перечисленных условий. Поэтому большинство предпочитало идентифицировать себя как эмигрантов и обращаться в соответствующие организации за помощью. Однако эмигрантские организации не всегда могли оказать помощь всем нуждающимся, так как они

сами не были защищены от произвола местных властей и многие их представители подвергались депортации наравне с эмигрантами.

Рассматриваются способы проникновения в Польшу, а именно: легальное и нелегальное пересечение границы, сам процесс перехода, все опасности, с которыми сталкивались эмигранты, и отличительные черты между этими двумя категориями беженцев. Нельзя сказать, что один из способов пересечения границы был в приоритете у эмигрантов, так как риск депортации или гибели в пути не исключал ни один из них. Многие тайно пересекали границу, а дальше уже занимались урегулированием своего правового положения в Польше. Причины этого заключались в том, что процедура легального пересечения советско-польской границы была весьма долгой и дорогостоящей. Кроме того, на контрольно-пропускном пункте всегда могли отказать в допуске в страну и депортировать обратно в Россию без объяснения причины, но и получение разрешения на въезд в страну вовсе не означало, что вся процедура по урегулированию правового положения закончена. Наиболее тяжелым испытанием для всех пересекающих советско-польскую границу было прохождение санитарных процедур, в результате которых смертность достигала 50%, так как всех эмигрантов и репатриантов отправляли в карцер на карантин сроком на 1 месяц, где были распространены инфекционные заболевания. Поэтому довольно часто эмигранты предпочитали обойти все перечисленные процедуры, находиться в стране нелегально и не стремились не то чтобы узаконить, но и просто афишировать свое местоположение.

В таких условиях достаточно сложно установить точную численность эмигрантов в Польше, только приблизительную, которая в рассматриваемый период колебалась от 50 до 600 тыс. чел. Такой численный резонанс объясняется тем, что беженцы сами по себе были весьма мобильными и переходили с места на место, а иногда и просто использовали Польшу в качестве транзитной зоны, откуда уже беспрепятственно продолжали свой путь дальше, однако во всех официальных документах это не отражалось.

Во втором параграфе – «Социально-правовой статус российских эмигрантов в 1917–1930-е гг.» анализируются правовое положение эмигрантов, способы узаконивания их пребывания в стране, порядок получения карт азилия, побыта, нансеновских паспортов и непосредственно самого польского гражданства. Определяются категории граждан, имеющих право на получение гражданства или вида на временное нахождение в стране.

При нахождении в Польше незаконно прибывшие эмигранты редко стремились урегулировать свое пребывание в стране. Отчасти причины этого заключались в политике польского правительства, так как оно было крайне обеспокоено столь большим количеством русскоязычного населения в стране из-за достаточно тяжелого экономического положения и только что окончившейся советско-польской войны, экономического кризиса как в самой Польше, так и в мире. Первоначально польское правительство попыталось разделить все тяготы содержания эмигрантов с другими государствами, однако не получило поддержки, поэтому оно стало принимать меры для депортации

эмигрантов из страны. На политику польского правительства в отношении российских эмигрантов влиял и тот факт, что долгое время Польша входила в состав Российской империи, поэтому шовинистская политика была направлена, в первую очередь, на ущемление прав русскоязычного населения. Это выражалось в отказе на предоставление права получения статуса убежища в стране по той или иной причине или на проживание в стране. Были определены категории беженцев, имевших право на получение карты азилия или карты побыта, и категории опитующих польское гражданство, однако всегда находились причины для отказа в их выдаче. Кроме того, необходимо было постоянное нахождение эмигранта по месту проживания, а для передвижения внутри страны или при устройстве на работу требовались специальные разрешения местных властей, которые редко выдавались. Только с 1924 г. вид на жительство стали выдавать постоянный, но без права проживания на восточных кресах.

Наличие документов, разрешавших проживание в стране, вовсе не гарантировало защиту от произвола местных властей, которые часто просто вымогали деньги, обещая покровительство и защиту от депортаций, особенно на восточных кресах. Так называемый нансеновский паспорт тоже не гарантировал защиту интересов беженцев. Более того, до 1925 г. он не давал право ни на законное проживание в Польше, ни на временное пребывание, его выдавали только при выезде за границу, но с оговоркой – «без права возвращения в страну», а с получателя паспорта брали расписку, что он не воспользуется обратной визой. При нарушении данного предписания грозила немедленная депортация в Россию. Сама процедура оформления нансеновского паспорта в Польше вплоть до 1932 г. была достаточно долгой и дорогостоящей, его стоимость доходила до 500 злотых, необходимо было предоставить множество документов и поручительство одной из уполномоченной польским правительством беженской организаций, которое являлось определяющим при решении выдачи паспорта. Однако малоимущие могли рассчитывать на бесплатное получение паспорта, но для этого требовалось представить документы, подтверждавшие социальный статус; кроме того, паспорт выдавался бесплатно и при депортации из страны.

В третьем параграфе – «Социально-экономическое положение российской эмиграции в 1917–1939 гг.» рассматривается социальная составляющая нахождения как эмигрантов, так и русскоязычного населения в Польше. Показаны особенности положения русскоязычного населения в период экономического кризиса в стране. Экономическое положение эмигрантов в Польше было сложным, в стране был сильный экономический кризис и, как следствие, гиперинфляция, которые оказывали негативное влияние на польскую экономику вплоть до начала Второй мировой войны. Отличительная черта польской экономики изучаемого периода в том, что страна была истощена советско-польской войной, после окончания которой начался затяжной кризис, усугубившийся мировым кризисом, поразившим и Польшу. Для стабилизации экономики в стране в 1924 г. была проведена денежная

реформа, которая лишь на время приостановила развитие кризиса, однако расчетной единицей еще долгое время оставался доллар. В первую очередь, это было связано с тем, что цены каждый день росли, а зарплата русскоязычного населения оставалась на неизменном уровне. Кроме того, она была в 2-3 раза меньше, чем у польских граждан, работавших на аналогичной должности. Главным условием при приеме на работу было наличие гражданства или документов, разрешавших пребывание и устройство на работу в стране. Помимо этого существовал ряд должностей, которые не могли занимать русскоговорящие граждане: какой-либо значительный пост в частном бизнесе, любой командный пост в польской армии и т.д. Найти работу можно было только на лесозаготовках на восточных кресах, но, по действовавшему законодательству, проживать эмигрантам на этих территориях запрещалось. Многие пытались устроиться на любую низкооплачиваемую работу, но при любом проступке их немедленно увольняли. Кто-то пытался искать выход, придумывая новую профессию, кто-то старался уехать на заработки во Францию или Америку, в результате чего попадал практически в рабство. Некоторые пытались нажиться на столь безвыходном положении эмигрантов и придумывали мошеннические схемы, например предлагали за определенную плату получить визу на выезд из страны или сдавали внаем помещения, требуя предоплату на несколько месяцев или лет вперед, забирая деньги и не выполняя свои обязательства. В результате чего нужда и безденежье толкали эмигрантов на самоубийства.

Поэтому многие эмигранты, пытаясь найти хоть какой-нибудь выход из сложившейся ситуации, обращались за помощью в благотворительные организации, однако помочь всем нуждающимся они не могли. К тому же, помимо самих эмигрантов, достаточно часто к помощи беженских организаций прибегало и коренное русскоязычное население, которое, в первую очередь, из-за языкового барьера и политики польского правительства находилось не в лучшем положении, чем беженцы.

Во Второй главе «Общественно-политическая жизнь российской эмиграции в 1917–1939 гг. анализируется антисоветская деятельность российских эмигрантов в Польше в указанный период.

В первом параграфе – «Антибольшевистская деятельность российской эмиграции в Польше в 1917–1924 гг.» рассматривается антибольшевистская деятельность эмигрантов, в частности военных организаций под руководством Б.В. Савинков и С.Н. Булак-Балаховича. В целом вся политическая деятельность эмигрантов делится на два этапа – «до» и «после» 1924 г. Объясняется это тем, что главный идеолог антисоветской деятельности в Польше, Б.В. Савинков, был арестован сотрудниками НКВД. Кроме того, к указанному периоду большинство стран признало СССР среди них была и Польша, которая не могла ни продолжать оказывать финансовую или какую-либо другую помощь антисоветским формированиям, ни относиться нейтрально к их деятельности. Однако вопреки Рижскому мирному договору на территории Польши антисоветские формирования вели достаточно активную

деятельность, хотя польское правительство всячески отрицало их наличие.

Первоначально в Польше активно действовали антисоветские вооруженные формирования, состоящие в своем большинстве из казаков и чинов армии П.Н. Врангеля. Во главе всей антисоветской деятельности в Польше стоял Б.В. Савинков, проводивший активную диверсионную деятельность на западной границе России при финансовой помощи польского правительства и личном покровительстве Ю. Пилсудского, что не мешало многим представителям польского правительства относиться к Б.В. Савинкову с недоверием. В первую очередь, причины этого заключались в растрате денежных средств, выделенных польским правительством на нужды интернированных и антисоветскую деятельность. Кроме того, у самих интернированных личность Б.В. Савинкова и его соратников не пользовалась большим доверием, несмотря на статус официального лидера всей антибольшевистской борьбы в Польше и различные ухищрения для привлечения как можно большего числа интернированных на свою сторону (денежные выплаты и продуктовые пайки, уговоры, а в некоторых случаях и угрозы). В целом российская эмиграция в Польше была расколота на 2 лагеря: сторонников Б.В. Савинкова и П.Н. Врангеля, который пользовался большим доверием не только среди военнослужащих, но и среди интернированных. Непосредственно на территории Польши действовало несколько антибольшевистских организаций, большинство из которых находились под непосредственным руководством Б.В. Савинкова или его сподвижников.

Комитет Союза возрождения России (КСВР), Национальный союз защиты Родины и свободы (НСЗРиС) взяли за свою основу организации, существовавшие еще на территории России, однако сильного политического веса в Польше они не имели. Самой влиятельной организацией был Русский политический комитет (РПК), в 1921 г. переименованный в Русский эвакуационный комитет (РЭК). Основная цель данной организации заключалась в активной антисоветской деятельности на территории России. Для этого на территории Польши было создано секретное Информационное бюро (Информбюро) для подготовки диверсантов из числа интернированных. Непосредственным начальником, а по совместительству и спонсором Информбюро являлся II разведывательный отдел польского Генерального штаба. Но после ареста Б.В. Савинкова деятельность РЭК, Информбюро и НСЗРиС постепенно сошла на нет.

Во втором параграфе – «Общественно-политическая жизнь российской эмиграции в Польше в 1924–1939 гг.» рассматривается изменение политических взглядов эмигрантов, переход от открытой борьбы к подпольной и индивидуальным террористическим актам.

После ареста Б.В. Савинкова в 1924 г. меняется и сам характер борьбы с большевиками, она переходит к подпольной деятельности и индивидуальному террору. Кроме того, польское правительство не могло игнорировать пункты мирного договора между Польшей и Россией, поэтому уже не оказывало активной финансовой поддержки, как прежде. Ведущую роль стал играть РОВС

(Российский обще-воинский союз) с преобладанием монархистов-николаевцев. Они проводили активную агитационную работу среди местного населения, кроме того, была организована диверсионная деятельность агентов РОВСа в России, переправочным центром которой служила непосредственно Польша. Также на ее территории действовали и различные террористические группировки, например НТСНП и Братство русской правды, имевшие своих диверсантов и на территории России.

Наиболее таинственной из всех организаций было Братство русской правды, которое было настолько законспирировано, что ОГПУ не знали о нем практически ничего, только о целях и о том, что все члены именовались «братьями». Братство выпускало собственную газету и имело собственное казначейство. Несмотря на общие цели, РОВС и Братство не сотрудничали, членам РОВС было запрещено не только вступать в ряды Братства, но и оказывать им какое-либо содействие.

С другой организацией – НТСНП (Национально-трудовой союз нового поколения) – РОВС имел самые тесные контакты, так как сначала НТСНП входил в состав РОВСа и полностью подчинялся ему, более того, членам последнего было разрешено вступать в ряды НТСНП. В 1937 г. между этими двумя организациями произошел раскол на фоне разногласий в методах борьбы с большевиками, а именно РОВС был обвинен в достаточно пассивном отношении к ним и бездействии руководства, что в итоге привело к расколу. Также в Польше действовала и организация Обера, однако она не имела какого-либо влияния в эмигрантской среде в Польше и была достаточно малочисленной.

Помимо всех вышеперечисленных организаций, на территории Польши в отношении советских организаций, как правило, полпредств, проводились акции индивидуального террора, прокатившиеся в конце 1920-х гг., в 1927 г. был убит полпред П.Л. Войков, менее чем через 3 месяца было совершено покушение на курьера в здании советского посольства. В 1928 г. – покушение на торгпреда А.С. Лизарева, а в 1930 г. готовился взрыв посольства во Львове, но благодаря бдительности граждан его удалось предотвратить. Вопреки своей антисоветской деятельности эмигранты осознавали всю тяжесть положения своих близких и в целом соотечественников в России. Поэтому эмигранты старались оказать им посильную помощь. Выразилось это, в первую очередь, в отправке продуктовых посылок или денежных переводов своим родственникам и знакомым при посредничестве различных благотворительных организаций находившихся в России. Сами посылки имели стандартный набор продуктов и различались только по своему количественному составу, а, следовательно, и себестоимости. Кто-то пытался вывезти своих родственников из России, чем пользовались мошенники, предлагая свои услуги по оказанию помощи за солидное вознаграждение, но в итоге не выполняли свои обязательства. Кроме того, в эмигрантской среде устраивали благотворительные мероприятия для сбора средств голодающим в России.

В Третьей главе «Образование и культурная жизнь российской эмиграции в Польше в 1917–1939 гг.» анализируются все составляющие культурной жизни русскоязычного населения в Польше в межвоенный период.

В первом параграфе «Порядок получения образования русскоговорящим населением в Польше в 1917–1930-е гг.» рассматривается порядок получения среднего и высшего образования как эмигрантами, так и коренным русскоязычным населением. Показано положение русскоязычных и эмигрантских школ в Польше, в том числе и их отличительные черты. Проанализирована политика польского правительства по отношению к школам и то, что, в первую очередь, беженские и школы коренного русскоязычного населения разделялись между собой и находились в разных правовых и экономических условиях. Например, эмигрантскую школу могли посещать только дети эмигрантов, в отличие от русскоязычной, которую посещали даже дети еврейской национальности. Кроме того, польское правительство проводило активную политику по ликвидации русскоязычных школьных учреждений. Выразилось это в предписании преподавания основных школьных дисциплин на государственном языке и в необходимости получать ежегодные концессии на функционирование школы, в запрете на прием на работу преподавателей без польского гражданства, запрете выдавать выпускникам аттестаты зрелости. Единственный документ, выдававшийся русскоязычной школой, – справка о прослушивании курса дисциплин. Все желающие могли попытаться сдать экзамены на получение аттестата зрелости, но, как правило, их не выдерживала и треть экзаменуемых.

Учителя в русских школах получали зарплату в несколько раз меньше, чем коллеги на аналогичной должности в государственном учреждении. Подобная ситуация наблюдалась не только в Польше, но и в других лимитрофных государствах. Часто школьные помещения русских школ конфисковывались правительством и передавались государственным. Помимо этого все русскоязычные школы были переведены в разряд частных, а оплачивать обучение могли позволить себе немногие, несмотря на систематические выплаты стипендий одаренным детям. Сироты, полусироты и малоимущие дети пользовались льготами при поступлении в национальную школу, получали социальные пособия, бесплатные учебники во временное пользование до конца учебного года и бесплатное питание, как и все остальные ученики.

При содействии Американской ассоциации молодых христиан были открыты специальные курсы заочного преподавания, что дало возможность многим молодым людям получить высшее образование. Многие предпочитали получать высшее образование в университете, при чем в каждой стране-реципиенте были свои правила для поступления абитуриентов-эмигрантов, например, в Польше, как и в лимитрофных государствах, помимо эмигрантов проживало и коренное русскоязычное население, которое при поступлении пользовалось теми же правами, что иностранцы и беженцы, а не граждане страны. Но в отличие от иностранцев ни

одна беженская организация не брала на себя ответственность за судьбу студентов-эмигрантов.

При поступлении в высшие учебные заведения русскоязычные абитуриенты сталкивались с массой проблем. Например, при поступлении в вуз все экзамены необходимо было сдавать на польском языке. Особенно сложным являлось сочинение, так как знать все филологические особенности польского языка могли только окончившие государственные школы. Помимо этого лица, окончившие духовную (православную) семинарию и частную русскоязычную школу не могли быть зачислены в ряды студентов. После поступления большинство студентов сталкивалось с другой проблемой – совмещать работу и учебу не представлялось возможным. Поэтому многие либо брали академический отпуск, в этом случае учеба затягивалась на достаточно долгий промежуток времени, либо старались совмещать работу и учебу, но в этом случае качество образования сильно страдало. Единственной возможностью получить образование в таких условиях была материальная помощь от родственников.

Во втором параграфе «Культурная жизнь русскоязычного населения в Польше и сохранение национальной идентичности в условиях эмиграции» рассматриваются проблема денационализации русскоязычного населения и способы борьбы с ней. Проблема денационализации достаточно остро встала перед эмигрантами уже в начале 1920-х гг. практически во всех странах-реципиентах, не была она чужда и в Польше. В первую очередь, выделялось несколько способов борьбы с денационализацией: дополнительные занятия по русскому языку и литературе, однако скоро стало ясно, что они возымели обратный эффект – у детей из-за большой нагрузки появлялось отвращение к самим занятиям, а впоследствии и ко всей русской культуре. Поэтому приоритет в борьбе с денационализацией стал отдаваться организации различных культурных мероприятий, в том числе и праздников. Самыми распространенными не только в Польше, но и во всех странах-реципиентах были День русской культуры и День русского ребенка. Первый появился в середине 1920-х гг. и очень быстро приобрел широкое распространение среди эмигрантов практически во всех странах-реципиентах, но, несмотря на столь широкую популярность в эмигрантской среде, единства в программе и дате проведения среди организаторов не было. Например, в Польше не было единой даты проведения праздника внутри самой страны. Второй – День русского ребенка, возник несколько позже в конце 1920-х гг., что не помешало ему приобрести не меньшую популярность, чем День русской культуры. Отличия этих двух праздников заключались в том, что первый был призван приобщить подрастающее поколение к родной культуре, а второй, в первую очередь, направлен на сбор средств на нужды детей эмигрантов. Кроме того, ежегодно устраивались так называемые детские утра и рождественские елки.

Немаловажный вклад в борьбу с денационализацией вносили внешкольные детские организации, например, родители отдавали детей в русские бурсы, где дополнительно преподавались русские предметы, в том

числе пение. Кроме того, в бурсах велось общение на русском языке и дети находились в компании русскоязычных сверстников. В летнее время с денационализацией призваны были бороться детский очаг и летние детские площадки. Разница между ними заключалась в том, что первый посещали дети до 5 лет и приоритет при приеме детей отдавался матерям-одиночкам или детям из социально необеспеченных семей, а второй – дети до 14 лет. В целом программа занятий была схожа: гимнастика, пение, чтение детских произведений русскоязычных авторов, развитие творчества, скромный завтрак и обед. Практическая польза от этих заведений была достаточно весомой. Во-первых, дети получали завтрак и обед и квалифицированную медицинскую помощь, что для многих семей было необходимо из-за крайне низкого социального положения. Помимо этого, дети не проводили все свободное время на улице, а находились под постоянным присмотром русскоговорящего персонала, и самое главное, как отмечали сами сотрудники, дети, не знавшие ни слова по-русски, к концу лета уже могли сносно объясняться на родном языке. Но, несмотря на все применяемые меры по борьбе с денационализацией, остановить ее эмигранты так и не смогли.

В третьем параграфе «Российские эмигранты в Польше и РПЦ в 1917–1939 гг.» рассматривается положение Русской православной церкви в Польше, политика правительства по отношению к православию и позиция самого православного населения.

С 1918 г. начались гонения на православную церковь в Польше, выразилось это в принудительном окатоличивании населения и ущемлении прав православных приходов. В первую очередь, исконно православные земли, церкви, храмы и другое имущество были переданы католическим парафиям с формулировкой, что раньше это все принадлежало им. Достаточно часто церковное имущество конфисковывалось без предоставления необходимых документов со стороны польских представителей, что вызывало немало конфликтов с православными прихожанами. Особенно часто предметы, необходимые для совершения православного обряда, после конфискации не передавались кому-либо из священнослужителей, а просто выбрасывались на улицу. Многим священнослужителям для совершения православных обрядов необходимо было получать специальное правительственное разрешение, которое выдавалось достаточно редко, поэтому многие приходы оставались без возможности обвенчаться, крестить детей, похоронить умершего и т.д. Кроме того наблюдалась существенная нехватка православных священнослужителей. Причины этого заключались в том, большая часть из них выехала вглубь России во время Первой мировой войны, а вернуться обратно не разрешало польское правительство. Единственным выходом в такой ситуации было обращение к католическому священнослужителю, который в свою очередь соглашался на проведение обряда только после перехода просителя в католичество. Кроме того, довольно часто представители униатства провоцировали конфликты между православными священнослужителями и прихожанами, которые использовались униатами для миссионерской

деятельности среди православных и склонения их к смене веры. Сама Православная церковь в Польше весьма скептически относилась к такой миссионерской деятельности католиков среди православных, так как не видела в этом особой угрозы. Кроме того, среди них самих не было единства, так как церковь была расколота на 2 враждебных лагеря – «карловичан» и «евлогинчан», которые были заняты больше выяснением отношений между собой, чем отстаиванием прав церкви за границей.

В заключении обобщены итоги работы, сделаны выводы.

В целом положение российских эмигрантов в межвоенный период в Польше было весьма неоднозначным. С одной стороны, международные договоры и соглашения выступали гарантами прав как коренного русскоязычного населения, так и эмигрантов, с другой – польское правительство всячески игнорировало не только международные договоры, но и пункты собственной конституции. Выразилось это и в проблемах при урегулировании правового положения как эмигрантов, так и русскоязычного населения. В условиях экономического кризиса именно русскоязычные служащие попадали под сокращение в первую очередь, но на работу их принимали в последнюю. Православное вероисповедание также могло стать основанием для увольнения с работы, для работодателей был введен специальный добавочный налог на работников православного вероисповедания. Кроме того, права церкви ущемлялись и в результате проводимой правительством политики окатоличивания населения (закрывались православные приходы, конфисковывалось церковное имущество, священнослужителям запрещалось проводить любые церковные обряды без специального правительственного разрешения и т.д.). Отразилось это и на культурной части жизни русскоязычного населения, а именно: преднамеренно ликвидировались русскоязычные школы, выпускникам национальных школ создавались препятствия при получении высшего образования русскоговорящим населением, будь то дополнительные экзамены или, как в Эстонии, наличие специального правительственного разрешения для поступления в вуз. Все это, естественно, приводило к распространению денационализации, что не могло не беспокоить русскоязычное население. Поэтому систематически проводились различные мероприятия, направленные на борьбу с денационализацией, будь то День русской культуры или День русского ребенка. Весьма успешными в борьбе с денационализацией были различные внешкольные организации: детский очаг, летние детские площадки, однако остановить ее развитие русскоязычному населению так и не удалось.

Таким образом, положение российских эмигрантов в Польше в целом было тяжелым и имело как общие черты с их положением в других государствах, так и отличительные.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Микуленок, А.А. Проблема русской национальной школы в Польше в 1920-е гг. / А.А. Микуленок // Теория и практика общественного развития. – [Электронный ресурс]. – 2015. – № 15. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/15/history/mikulenok.pdf (0,55 п.л.).
2. Микуленок, А.А. Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. / А.А. Микуленок // Историческая и социально-образовательная мысль – Краснодар, 2015. – Том 7. – № 6. – Часть 2. – С. 64–69. (0,57 п.л.).
3. Микуленок, А.А. Особенности положения русскоязычного населения на «восточных кресах» в 1920–1930-е гг. / А.А. Микуленок // Общество: философия, история, культура. – Краснодар, 2015. – № 6. – С. 112–114. (0,27 п.л.).
4. Микуленок, А.А. День русской культуры в лимитрофных государствах в 1924–1939 гг. / А.А. Микуленок // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск, 2016. – № 2. – С. 77–82. (0,58 п.л.).
5. Микуленок, А.А. Причины и особенности исхода российской эмиграции в Польшу в первой половине 1920-х гг. / А.А. Микуленок // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – Кострома, 2016. – № 3. – С. 47–51. (0,69 п.л.).
6. Микуленок, А.А. Проблема денационализации русских детей в Польше в 1920-е гг. / А.А. Микуленок // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. – № 2. – С. 75–82. (0,61 п.л.).
7. Микуленок, А.А. Проблема получения высшего образования российскими эмигрантами в Польше в 1920–1930-е гг. / А.А. Микуленок // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – Кострома, 2016. – № 1. – С. 53–57. (0,62 п.л.).
8. Микуленок, А.А. Российское зарубежье и День русского ребенка (ДРР) в конце 1920-х–1939 гг. / А.А. Микуленок // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. – Петрозаводск, 2016. – № 3. – С. 55–58. (0,52 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

9. Микуленок, А.А. Положение военнопленных в польском плену / А.А. Микуленок // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар, 2013. – Вып 7. – С. 203–210. (0,4 п.л.).

10. Микуленок, А.А. Русская национальная школа в Польше и Румынии (Бессарабии) в 1920-е гг. / А.А. Микуленок // Запад – Восток в контексте мировой истории (новое и новейшее время) – Краснодар, 2015. – С. 232–247. (0,6 п.л.).

11. Микуленок, А.А. Организация школьного дела в Румынии (Бессарабии) и Польше в 1920-е гг. / А.А. Микуленок // Нансеновские чтения. 2014: Русская школа за рубежом. Прошлое и настоящее. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 120–128. (0,56 п.л.).

12. Микуленок, А.А. Повседневная жизнь казаков-эмигрантов в лагерях для интернированных в Польше в первой половине 1920-х гг. (на примере армии генерала Н.Э. Бредова) / А.А. Микуленок // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. К 320-й годовщине служения Отечеству казачества Кубани». – Адлер, 2016. – С. 156–161. (0,35 п.л.).

13. Микуленок, А.А. Положение Русской Православной Церкви в Польше в 1920–1930-е гг. / А.А. Микуленок // Aspectus: Светочь. – Краснодар, 2016. – № 1. – С. 51–58. (0,6 п.л.).

14. Микуленок, А.А. Проблема получения Нансеновского паспорта в Польше в 1920–1930-е гг. / А.А. Микуленок // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ: сборник материалов XII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (18 мая 2016 г., Самара, СамГТУ). – Самара, 2016. – Вып. 4. – С. 175–177. (0,22 п.л.).

Микуленок Александра Андреевна

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПОЛЬШЕ (1917–1939 гг.)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук